

*Ангела
Вант*

Используете ли вы свой шанс получить прощение?

ПОСЛАНИЕ

2-е издание, исправленное

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2011

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Среда, 13 июня

В легком колыпании знойного воздуха не чувствовалось ни малейшего намека на то, что в этот летний день произойдет самая страшная в истории Америки авиакатастрофа. В оживленном нью-йоркском аэропорту Ла Гардиа тысячи пассажиров сдавали свои вещи в багаж, предъявляли документы и брали посадочные талоны, перед тем как отправиться в отдаленные точки земного шара.

Каждый из этих людей строил планы на вечер.

У выхода В-13 ожидали посадки на самолет 237 пассажиров, которых он должен был доставить в Международный аэропорт Тампы. Причины, побудившие этих людей отправиться в путешествие, различались так же, как их внешность: одни надеялись отдохнуть в течение нескольких дней, другим не терпелось приступить к работе, третьи торопились домой, скучая по родственникам. Рейс задерживался, но у выхода царил доброжелательная атмосфера. Служащий авиакомпании «PanWorld» Чак О'Нил, чтобы скоротать время, рассказывал анекдоты четверем своим коллегам с льготными, как и у него, билетами. Все они с облегчением вздохнули, услышав, что на «Боинге-767» есть свободные места.

Самолет авиакомпании «PanWorld», вылетевший рейсом 848 из Тампы, приземлился в аэропорту Ла Гардиа

в 14.38, почти на час позже указанного в расписании времени. 250 пассажиров и члены экипажа покинули «Боинг-767», у которого перед вылетом обнаружилась неисправность в первом двигателе. Нельзя сказать, что для машины, находившейся в эксплуатации двадцать два года, такая поломка была неожиданностью, так что механики из Тампы устранили ее, пока «Боинг» проходил технический осмотр.

На площадке у выхода В-13 одни путешественники целовали на прощание близких, другие делали последние звонки по мобильному телефону. Пятеро пассажиров работали в авиакомпании «PanWorld», которая предоставляла своим служащим льготу: бесплатный билет на любой рейс при наличии свободных мест. Дебби Уолш, билетный кассир авиакомпании, летела во Флориду с девятилетним сыном, чтобы мальчик повидался со своим отцом.

4 Сорокадевятiletний командир экипажа Джоуи Саджент из Тампы успел выпить чашку кофе, прежде чем вернулся в кабину. Его сопровождали шестидесятидвухлетний бортинженер Айра Ниппс из Брейдентона, штат Флорида, и второй пилот Рой Мерфи из Клируотера. В общей сложности эти мужчины налетали более сорока шести тысяч часов.

Работники авиакомпании «PanWorld» погрузили в багажный отсек сумки с клюшками для гольфа, чемоданы, рюкзаки и две клетки — в одной находился бассет семьи Коттер из Бруклина, а в другой — десятинедельная сибирская лайка, подарок пассажира Ноланда Томпсона его внукам, проживающим в Клируотере. Пока грузчики занимались своим делом, механики залили в баки самолета двадцать четыре тысячи галлонов топлива.

Под наблюдением служащих авиакомпании посадка прошла без особых происшествий, и 237 пассажиров заняли свои места в «Боинге». Среди них были мистер и миссис Томас Уилт, которые планировали совершить круиз по Карибам из порта Тампы; доктор и миссис Меррилл

Стори, желавшие купить квартиру в кондоминиуме в Сент-Питерсберге; семья Даррелла Нанса — он с женой и четверо детей, которые провели день в «Busch Gardens» и теперь направлялись в «Disney World». Первым классом летел Том Харольд — тренер футбольной команды «Тампа-Бэй Виссаспеерс» — с женой Адриенной. Чтобы отпраздновать сорокалетие своей свадьбы, эта пара решила слетать в Нью-Йорк и посмотреть на Бродвее «Отверженных» — любимый мюзикл Адриенны.

Среди пассажиров были 48 студентов христианской школы в Ларго. Организованный для них тур был отложен до середины июня, чтобы выпускники могли спокойно сдать экзамены. Эти студенты в сопровождении девяти преподавателей опоздали на предыдущий рейс, и теперь почти все они во всеуслышание благодарили Господа за то, что самолет, совершающий рейс 848, располагал достаточным количеством мест, чтобы могла разместиться вся группа.

Около 16.00 стюардессы закрыли двери, после чего работники авиакомпании откатили «Боинг-767» от выхода В-13. Командир и другие члены экипажа заняли свои места в кабине, затем включили двигатели и связались с диспетчерской, после чего самолет вырулил на отведенную ему взлетную полосу.

В 16.05 диспетчеры разрешили экипажу приготовиться к взлету, и в 16.15 «Боинг-767» взмыл в воздух: шасси убрали, и нос самолета устремился к стратосфере. Сделав круг над Нью-Йоркской гаванью, первый пилот Саджент грациозным движением повернул машину на юг, взяв курс на солнечную Флориду.

Пилотам не приходилось жаловаться на погоду. Температура в Тампе около тридцати градусов выше нуля, влажность воздуха — 70%, и на горизонте ни единого облачка. «Боинг-767» набрал обычную для самолетов этого типа высоту 35 000 футов и со скоростью 530 миль в час уверенно следовал намеченным курсом. Командир просмотрел список

пассажиров: в салоне всего два свободных места. Летом билеты до Флориды распродавались особенно быстро.

Пассажиры старались сделать так, чтобы время полета прошло незаметно. Они закрывали глаза и пытались поспать, надевали наушники и слушали музыку, листали купленные в аэропорту журналы. Выпускники христианской школы, заняв места в хвостовой части самолета, весело переговаривались через проход друг с другом, вспоминая свои приключения на Манхэттене.

Стюардессы предложили пассажирам расстегнуть ремни безопасности и покатали по проходу тележки, раздавая напитки и повторяя: «Осторожнее, локти!»

Одну из стюардесс, недавно работавшую в авиакомпании, звали Натали Мур. Она присоединилась к экипажу в Нью-Йорке, заменив заболевшую коллегу. Перед вылетом Натали призналась своей соседке по квартире, что с нетерением ждет, когда впервые побывает в Тампе. После окончания школы стюардесс в Атланте Натали переехала в Кью-Гарденс — в этом районе Нью-Йорка в основном проживали стюардессы, обслуживавшие самолеты в аэропортах Ла Гардиа и Кеннеди.

6

Когда стрелки часов приблизились к 17.00, Натали и ее коллеги начали разносить еду, предлагая пассажирам выбрать одно из фирменных блюд: запеченную куриную грудку или бифштекс и гарнир из зеленых бобов и салата. Как только последний поднос был возвращен, стюардессы увезли тележки в хвостовой отсек, чтобы затем сложить их. Перелет из Нью-Йорка в Тампу был недолгим, и смаковать обед было некогда: его подавали лишь потому, что рейс 848 совершался в обеденное время.

В 18.06, почти через два часа спокойного полета, первый пилот Саджент дал команду идти на снижение. В 18.18 диспетчеры Международного аэропорта Тампы разрешили самолету снизиться с 15 000 до 13 000 футов. Пилот, как обычно, повторил инструкции: «Пан Уорлд 848, с один пять на один три».

Пассажиры, занимавшие в салоне места справа от прохода, любовались потрясающим видом солнечного берега Флориды — пляжами с белым песком, бассейнами во дворах домов, зелеными макушками деревьев — все это рядом с необъятными голубыми просторами Мексиканского залива.

Стюардессы сложили тележки, увезенные в хвостовой отсек, и в последний раз прошли по салону. Натали Мур напомнила пассажирам, что нужно привести спинки кресел в вертикальное положение. Ожидая, пока неугомонный подросток выполнит ее указание, она смотрела на закат. Солнце, казалось, садилось прямо в океан, окрашивая небо на горизонте в ярчайшие оттенки розового и желтого цвета.

Пока Натали и другие члены экипажа занимались выполнением своих служебных обязанностей, самолет снизился до 13 389 футов. В это же время мощный поток воздуха разболтал крепление на фюзеляже рядом с топливным баком, и оно начало искрить. Электрические предохранители вышли из строя, и в 18.29 в самолете отключились радио и передатчики. Первый пилот Саджент послал сигнал бедствия, но его никто не услышал.

7

Разболтавшееся крепление продолжало осыпаться искрами топливный бак.

Спустя несколько минут перед глазами пассажира, сидевшего на месте 24С, предстала необычная картина: три стюардессы удалились в хвостовой отсек и обнялись, причем одна из девушек плакала, утирая слезы, а другая склонила голову так, как если бы она молилась.

— Как мило! — обратился пассажир к сидевшей по соседству с ним женщине. — Девушки сначала поссорились, а потом помирились.

Размолвка, видимо, была несерьезной, потому что стюардессы быстро разомкнули объятия.

— Дамы и господа! — раздался мужской голос по громкой связи. — Говорит командир экипажа. Пожалуйста,

обратите внимание на стюардессу, которая находится в вашем отсеке. Наш самолет потерял мощность из-за неполадок в системе электроснабжения, но мы попытаемся приземлиться. Чтобы подготовиться к аварийной посадке, просим вас посмотреть на стюардессу: она покажет вам, как принять безопасную позу.

Наклоняясь к иллюминатору, сидевший на месте 24С мужчина увидел, что они летят над водой по направлению к земле. Ему показалось, что воздух в салоне стал вязким от страха, но он не терял надежды. «Боинг» делал спиральный спуск над бурными водами залива Тампа между мостами Говарда Франкланда и Козвей Кемпбелл. До аэропорта совсем близко.

Все, кого видел мужчина, поспешили повиноваться стюардессам, а он достал клочок бумаги из кармана своего пиджака и написал на нем несколько слов. Когда он еще раз наклонился к иллюминатору и увидел синевшую внизу воду, то испытал нечто вроде озарения. Пошарив в другом кармане, мужчина вытащил небольшой полиэтиленовый пакет, положил туда записку и закрыл пакет при помощи специальной застежки*.

8

Затем он улыбнулся стюардессе. Она стояла в проходе бледная как полотно, сложив рот в маленький жесткий дефис.

— Простите, — обратился он к девушке, увидев, что все пассажиры вокруг него пригнулись, приготовившись к аварийной посадке. — Мне нужно было кое-что сделать. Уверен, с нами все будет в порядке, и сегодня вечером я со смехом буду рассказывать моим...

* Имеется в виду пакет с застежкой zip-lock (гриппер). Такие пакеты изготавливаются из прозрачного полиэтилена и снабжаются специальным замком, обеспечивающим герметичность упаковки, пыле- и влагонепроницаемость; используются для упаковки пищевых продуктов, канцелярских мелочей, семян и т. п.; пригодны для многократного применения. — *Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат редактору русского издания.*

Он не закончил начатую фразу. Искра от разболтавшегося винта на фюзеляже воспламенила пары горючего, и самолет, совершавший рейс 848, взорвался. В 18.33 его обломки стали падать в воды залива Тампа.

Среди обломков и осколков летел полиэтиленовый пакет с застежкой, в котором лежала записка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Двумя часами ранее

Пейтон Макгрудер сидела в офисе редакции газеты «Тампа Times» на другом конце города, когда ей по электронной почте пришло послание от Норы Чилтон, как обычно, немногословное:

Срочно в мой кабинет.

10

Получив такой жесткий приказ от редактора отдела «Образ жизни», Пейтон вздохнула и взглянула на часы. Без пятнадцати пять, а значит, она не сможет уйти, а потом соврать, что не видела сообщения. Е-мейлы в редакции «Тампа Times» летали со скоростью электронов, и Нора не попадется на эту удочку.

Пейтон состроила гримасу своему отражению в мониторе компьютера. Если Нора задержит ее дольше чем на пятнадцать минут, можно будет проститься с мечтой поиграть в теннис. У Карен Долен, новой журналистки газеты и партнера Пейтон по теннису, был муж и трое голодных детей, которых она должна была накормить ужином до половины седьмого, так что отложить игру в теннис будет невозможно.

Пейтон еще раз прочитала все полученные сообщения, надеясь найти среди них более приятное, чем это, и поднялась со стула. Подхватив свой рюкзак, она бросила взгляд в сторону стоявшего через проход письменного стола, за которым, склонив голову над клавиатурой, сидела блондинка.

— Увидимся завтра, Мэнди, но, наверное, после обеда. Если кто-нибудь будет меня спрашивать, скажи, что утром я назначила встречу в Сент-Пите.

Мэнди Соренсон, практикантка из колледжа, целое утро надоедавшая Пейтон настойчивыми вопросами о том, не нужна ли ее помощь, подняла голову и растерянно замигала:

— Что вы сказали, миз* Макгрудер?

— Называй меня Пейтон. Я сказала, что увидимся завтра!

— Хорошо.

Мэнди вновь склонилась над некрологами, которые какая-то добрая душа из отдела новостей подсунула ей, чтобы девушка угомонилась. Пейтон вскинула рюкзак на плечо, стараясь припомнить, неужели она когда-то вот так же удивленно тарасила глаза. Похоже, что нет. Один из университетских преподавателей утверждал, что она «состоит из скепсиса», и даже когда в студенческие годы она писала репортажи для «Independent Florida Alligator», на нее не легко было произвести впечатление. А что такого особенного в редакции газеты, в конце концов? Это всего лишь несколько компьютеров и пестрая толпа журналистов.

— И чем старше я становлюсь, — пробормотала Пейтон, продвигаясь сквозь лабиринт столов, стульев и шкафов с папками, — тем более смехотворной представляется мне эта толпа.

Кабинет Норы Чилтон находился в отдаленной части здания редакции. Идя по коридору, куда выходили двери других помещений, Пейтон успела кивнуть двум мужчинам в темно-синих костюмах. Судя по их внешнему виду, они приехали издалека: ни один житель Флориды не надевал в июне одежду темного цвета. Пейтон проводила взглядом

* Миз (Ms.) — госпожа; употребляется перед фамилией женщины, если неизвестно ее семейное положение или если она сознательно подчеркивает свое равноправие с мужчиной.

незнакомцев, скрывшихся за дверью кабинета редактора отдела новостей, а затем, прислонившись к косяку, постучала костяшками пальцев в открытую дверь кабинета Нора.

Не вставая из-за стола, Нора, миниатюрная с виду женщина, посмотрела на Пейтон поверх очков в черепаховой оправе. Потом выпрямилась в кресле, подняв голову с копной кудряшек, выкрашенных в неизменный каштановый цвет, — верный признак того, что она красила волосы дома.

— Входи, Пэт, — пригласила она, не отрываясь от документов, которые держала в руках.

Переступив порог кабинета, Пейтон с трудом удержалась от того, чтобы не поправить: ее зовут *Пейтон*, а не Пэт, Пэйт, Пэтти или Мак, но Норе Чилтон нравилось придумывать сотрудникам новые имена. Пейтон не понимала, зачем она это делает. Возможно, так Нора хотела установить более теплые отношения между журналистами и редакторами.

Хотя вряд ли.

12

— Пэт, — Нора выпустила из рук бумаги, когда Пейтон уселась на стул для гостей, — спасибо, что зашла. Я не задержу тебя надолго.

Пейтон, приподняв бровь, ждала продолжения. Нора бросила взгляд на кабинет редактора отдела новостей, который располагался по соседству, и после секундного молчания спросила, понизив голос:

— Ты случайно не столкнулась в коридоре со счетоводами?

Уголки рта Пейтон дрогнули, сложившись в кривую улыбку.

— Вы о двух парнях в костюмах?

Нора подалась вперед, и ее губы выровнялись в зловещную линию.

— Это бухгалтеры из Нью-Йорка. — Она мрачно усмехнулась. — Хотят, чтобы мы сократили наши расхо-

ды. — Нора зашелестела бумагами, лежавшими на столе, а Пейтон сидела сложа руки и ждала, когда редактор снова заговорит. — Нас попросили обратить особое внимание на цифры, полученные в результате последнего опроса читателей.

Опроса читателей? Эти два слова, словно злобные, выпущенные из бутылки джинны, постоянно преследовали Пейтон в редакции, и теперь они приняли угрожающие размеры, убив ее надежду на приятный разговор. Ее колонка «Исцеляющая сердца» никогда не оценивалась высоко читателями «*Тампа Times*». Пейтон нравилось думать, что большинство из них занятые люди, которым некогда заполнять анкеты.

— Вот цифры. — По столу заскользила одна из страниц, выбранная Норой. — Согласно последнему опросу фокус-группы, твоя колонка получила низкие баллы по пяти предложенным показателям. Мне очень жаль, Пэт, но цифры не лгут. И если ты не наберешь высокие баллы, нам придется кое-что поменять.

Пейтон, приоткрыв рот, посмотрела на страницу: на первом месте стояла рубрика «Безумный гурман», за ней следовали «Домашние любимцы», «Быстрая еда» и «Железный скакун», а «Исцеляющая сердца» находилась в самом низу списка, словно к ней привязали свинцовое грузило.

Секунду Пейтон лихорадочно осмысливала увиденное. Выбрав из сонма объяснений то, которое лежало на поверхности, она сказала:

— Ну, вы же знаете, что это не моя вина. Эту колонку мне просто передали. От меня не зависит...

— Да, от тебя ничего не зависит, и если это послужит тебе утешением, то читатели одной возрастной группы все-таки поставили высокие баллы. — Нора сложила тонкие губы в едва заметную улыбку. — Женщины старше восьмидесяти пяти лет отвели твоей колонке верхнюю строчку в списке. Подозреваю, причина кроется

в том, что обитатели домов престарелых редко водят машину, готовят еду, заводят домашних животных и посещают «Макдоналдс».

Пейтон прищурилась. Чувство юмора Норы — если оно вообще у нее было — оставляло желать много лучшего.

— Я бы не стала слишком серьезно относиться к этим опросам, Нора. Это всего лишь собрание выбранных наугад мнений.

— Но эти мнения очень важны для раздела, в котором публикуется все, что касается уклада жизни читателей. Люди читают наши статьи не для того, чтобы узнать важные новости, а для того, чтобы доставить себе удовольствие. — Нора наклонилась вперед и слегка выдвинула подбородок, что напомнило Пейтон о печально известном упрямстве редактора. — У Эммы Дункан, когда она писала для колонки «Исцеляющая сердца», были *превосходные* показатели. Помнится, в наш отдел приходило свыше тысячи писем в неделю, и все они были для Эммы.

14

— Да ну? — охрипшим от обиды голосом спросила Пейтон. — Хорошо, Нора, давайте не будем забывать о таком важном факте, что Эмма Дункан умерла. Вы не захотели потерять читателей и передали ее колонку мне. Я делаю все зависящее от меня, чтобы заинтересовать их, но вам никогда не приходило в голову, что сам *формат* устарел? — Она откинулась на спинку стула и запустила пальцы в коротко стриженные волосы. — «Исцеляющая сердца»! Вы только вслушайтесь, как сентиментально звучит. Ни один профессиональный журналист не вызовется сегодня писать такую слащавую ерунду. Наверное, двадцать лет назад, когда Эмма начинала журналистскую карьеру, это было актуально, но теперь...

— Формат колонки все еще вызывает интерес у читателей. — В голосе Норы прозвучали нотки раздражения. — Но, возможно, настало время пригласить другого журналиста, чтобы он занялся ей. А тебя мы переведем в другой отдел.

Для Пейтон эти слова прозвучали как тревожный набат. Ее переведут? Но куда? Она оставила суматошный отдел спорта и стала ведущей незамысловатой колонки «Исцеляющая сердца», которая не давала особого простора для творчества, зато у Пейтон появилась возможность спокойно писать, ориентируясь на упорядоченное расписание. Когда она работала в отделе спорта, ей слишком часто приходилось засиживаться допоздна в офисе, слишком часто встречаться с раздутыми от тестостерона мужчинами и слишком часто спорить с Кингстоном Бернардом, старшим редактором отдела спорта.

Пейтон не отрицала, что в прошлом «Исцеляющая сердца» пользовалась гораздо большей популярностью, но за те десять месяцев, что прошли после смерти Дункан, ей удалось достичь значительного прогресса. Сначала читатели бунтовали (возможно, им не нравился профессиональный подход Пейтон), и поток читательских писем на несколько недель практически иссяк. Однако за последние полгода Пейтон стала получать в среднем двадцать пять писем в неделю по обычной или электронной почте. Не так много, если сравнить с ее предшественницей, но все-таки и это заслуживает уважения. Пейтон нравилось думать, что если ее версия колонки не вызывала восторга у читателей Эммы Дункан, то *кого-то* она все-таки интесесовала.

— Нора, — продолжала настаивать Пейтон, — проблема состоит в разных подходах. Я окончила факультет журналистики, где меня научили отдавать предпочтение объективной позиции. Эмма была одной из местных жительниц; она писала о своих детях и собаках. Возможно, ее обожателям не нравится стиль моей работы, но я придерживаюсь фактов, которые могут оказаться полезными. Многие люди нуждаются в практичной, простой информации...

— Я не могу оставлять на первой полосе место для советов, приносящих пользу лишь небольшому количеству

людей. — Карие глаза Норы сверкнули за стеклами очков. — Мне жаль, что приходится говорить тебе об этом, но мало кто из наших читателей интересуется тем, как нужно шаг за шагом оформлять документы, дающие право собственности. Не так много семей озабочено вопросом лепки из глины. А о чем ты написала в прошлом месяце? Как упаковать зимнюю одежду в пластиковые пакеты при помощи пылесоса? Правда, Пэт, это никому не интересно. — Нора подняла брови, что придало ее лицу надменное выражение. — И у меня есть подозрение, что это не интересует даже тебя.

Слова причинили Пейтон острую боль, но она знала, что у нее есть козырь. Ей исполнилось сорок лет, и если ее уволят, то она подаст на них в суд за дискриминацию по признаку пола и возраста... и они понимали, что она немедленно свяжется с адвокатом.

Пейтон воспряла духом:

— Я хороший журналист. Вы не имеете права утверждать, что я не выполняю своих обязательств и не предоставляю в срок материалы для очередного номера газеты.

16

— Никто не говорит, что ты плохо пишешь. — Нора откинулась на спинку кресла, и с ее лица исчезла суровость. — Меня поражает твоя наблюдательность и скорость, с какой ты работаешь. Но хороший колумнист не просто составляет слова в нужном порядке, он пишет со страстью. Я не чувствую ее в твоих статьях. Эмма Дункан, упокой Господь ее душу, обладала этим качеством. Если она писала про помидоры, то к концу статьи ты не просто знала, как их сажать; хотелось немедленно бежать и посадить целый акр помидоров!

— Вы хотите, чтобы я сходила с ума по томатам? — Пейтон подняла руки вверх, словно прося уволить ее от этого. — Простите, Нора, но я не являюсь такой *страстной* любительницей огородничества, как вы, зато могу написать компетентную статью буквально о чем вам угодно. Я поднялась по служебной лестнице и справляюсь со

своими обязанностями. Что поделаться, если колонка «Исцеляющая сердца» привлекает читателей, которые хотят знать, как оформить документы, дающие право собственности, или хранить одежду? Они пишут письма, а я на них отвечаю. Все очень просто.

Нора откинулась на спинку кресла, затем сняла очки и неторопливо положила их на стол.

— Честно говоря, Пэт, — она снисходительно наклонила голову, — я не считаю тебя плохим журналистом. Ты хорошо пишешь и имеешь награды, которые подтверждают это. Но колонка «Исцеляющая сердца» не пользуется популярностью. Пожалуй, я назначу на твое место одну из наших замужних сотрудниц, у которых есть дети. А тебя мы переведем опять в спортивный или новостной отдел.

Не в силах вымолвить ни слова, Пейтон покачала головой. Не важно, как Нора объяснит ее превращение из колумниста в репортера, сотрудники газеты воспримут это как понижение в должности, особенно если она опять будет вариться в одном котле с репортерами. При мысли о том, что ей снова придется освещать нудные собрания городского совета, у нее разболелась голова. После пятнадцати лет работы в газете ее могли повысить и сделать редактором. Так и было бы, не высмеивай она отдельных мелко-дотошных типов, которые цепляются за старомодные правила и ограничения, словно дети, не желающие, чтобы их отлучали от материнской груди.

— С моей колонкой все в порядке, — настаивала Пейтон. — Она пользуется популярностью.

— Цифры не лгут. — Нора постучала очками по отчету. — Твои статьи, Пэт, читают только милые пожилые леди, и я полагаю, эти показатели объясняются тем, что обитатели домов престарелых читают от скуки все подряд. — Она опустила глаза, прикрыв их короткими, как щетинки, ресницами. — По-моему, тебе пора признать, что будет лучше, если я отдам твою колонку тому, кому интереснее писать для читателей, чем для коллег.

Ее слова опять уязвили Пейтон. Что плохого в том, что она старается достичь совершенства в своем деле? Неужели редакции «Татра Times» нужны авторы, которые взывали бы только к самым примитивным чувствам? Эмма Дункан была не слишком выдающейся журналисткой, она писала слащавые истории о своем пуделе и чихуахуа и не получила ни одной награды, тогда как резюме Пейтон пестрело названиями различных премий. И все-таки Нора утверждает, что нужно передать колонку человеку, у которого есть дети и собаки.

Странно, но в то время как женщины наконец получили власть и свободу и несут ответственность за то, чего достигли, старое предубеждение против холостячек не теряет своей силы. В редакции Пейтон никогда не делала секрета из того, что она наслаждается своей свободой. И лишь немногие знали, что когда-то она купалась в любви мужа и, нежась в постели, упивалась запахом мужчины, который еще минуту назад был с ней рядом. Но скользкая от дождя дорога положила конец этой идиллии, лишив ее любимого мужчины и семьи, которую они могли бы создать...

18

Пейтон резким движением руки провела по волосам, словно отрезав себе путь к воспоминаниям, как проделывала уже тысячу раз в прошлом, и постаралась найти оружие против безжалостной логики редактора.

— Нора, я получаю двадцать пять писем в неделю. И вы знаете, что за каждым полученным письмом, как говорится, скрываются по крайней мере сто человек, которые хотели написать, но так и не сделали этого.

— По мнению руководства, такого количества недостаточно, даже если учитывать и тех, кто написал, и тех, кто этого не сделал. — Голос Норы терзал уши Пейтон, словно наждачная бумага. — Мы живем в большом городе, значительную часть населения которого составляют пенсионеры. Колонка «Исцеляющая сердца» рассчитана на людей старшего возраста, а значит, ее должны читать по меньшей мере семьдесят пять тысяч человек, которые мог-

ли бы присылать более семисот писем в неделю. — Немного помолчав, она добавила: — Эмма Дункан их получала.

Пейтон судорожно сглотнула, осознав, какими малоубедительными кажутся двадцать пять писем в неделю любителям цифр, сидящим в кабинетах начальников. Ежедневный тираж газеты — двести пятьдесят тысяч экземпляров, значит, ее статьями интересовался всего один процент ежедневно читавших ее людей.

«Исцеляющая сердца» *не пользовалась* успехом.

Но нельзя же сдаваться без боя! Она много работала, добываясь того, чтобы ее почерк отличался от почерка «Дорогой Эбби», Энн Лэндерс и других колумнисток, дающих советы своим читателям. В каждой своей статье Пейтон отвечала всего на *одно* письмо и в отличие от обычных коротких советов давала конкретное и подробное руководство. Конечно, статьи о том, как оформить документы, дающие право собственности, или страховку, были суховаты, но она также давала советы женщинам, которые хотели поддержать своих дочерей, не доносивших ребенка, отцам, которые боялись испортить отношения со своими агрессивными сыновьями-подростками, и матерям, которые беспокоились за подрастающих дочек. Она цитировала попадавшие под руку книги по психологии и давала полезные практические рекомендации знатока своего дела.

19

Ее читателям не нужна страсть — им нужны толковые ответы.

— Пожалуйста, — сказала Пейтон изменившимся голосом, — не забирайте у меня эту колонку. Дайте мне время, чтобы я могла внести кое-какие изменения; позвольте мне пересмотреть свой подход.

Глаза Норы заблестели за стеклами очков.

— Я надеялась, что «Исцеляющей сердца» займется Джанет Бойлс. По-моему, она не против.

Пейтон силилась изобразить улыбку, хотя слова Норы заставили ее сморщиться от боли, вызванной таким преда-

тельством. Ей казалось, что они с Джанет подруги, но если телевизионная журналистка строит козни, чтобы подсадить ее...

— Я готова на все! — Пейтон заставила себя выдерживать суровый взгляд редактора. — Дайте мне три месяца. Если я не использую это время наилучшим образом и число людей, читающих «Исцеляющую сердца», не увеличится, то мы забудем о ней и придумаем новую колонку с другой концепцией.

— Я дам тебе три недели, — ответила Нора, скрестив руки на груди. — И потом мы проведем новый опрос читателей. Если не будет видимого улучшения, я дам шанс Бойлс. — Она обвела взглядом море столов за дверью кабинета. — А тем временем советую тебе подумать, чем ты в дальнейшем хочешь заняться: освещением спортивных или региональных новостей.

Пейтон сжала пальцы в кулак, она прекрасно понимала, что занимает, так сказать, священное место. Безвременная смерть Эммы Дункан, скончавшейся от сердечного приступа прямо за письменным столом, сделала ее чуть ли не святой. Колонку «Исцеляющая сердца» могли бы вести *десять* разных авторов, коль скоро Нора и руководящая верхушка намерены поддерживать жизнь в творении рук этой журналистки.

Значит, Пейтон нужно что-то предпринять... и ее подход должен сработать. Нужно что-то невероятное и оригинальное — еще ей нужна передышка, чтобы встряхнуться, собраться с духом и взять себя в руки.

— Приближается время моего отпуска, — нашлась Пейтон. — Почему бы мне не взять его на следующей неделе и не обдумать все хорошенько? У меня будет две недели, чтобы попытаться найти новый подход.

Нора устремила на нее испытующий взгляд, затем кивнула:

— По-моему, неплохой план. Конечно. Завтра сдашь материал для номера газеты, который выйдет в пятницу, и

мы поместим объявление о том, что с понедельника ты уходишь в отпуск.

— Я уже написала статью и готова сдать ее хоть сейчас.

Брови Норы удивленно поползли вверх.

— И какой же полезный совет ты в ней даешь?

— Как выбрать хороший ноутбук. Одна из моих читательниц хочет купить его для своего внука. — Поднявшись со стула, Пейтон вскинула рюкзак на плечо. — Спасибо, — бросила она, выходя из кабинета, хотя в душе не чувствовала никакой благодарности.

Пейтон брела по редакции, потирая затылок. Она терялась в догадках, как добавить страсть колонке полезных советов, которые давно перестали быть полезными. Очевидно, Нора Чилтон тоже сомневалась, что ей удастся сделать это.

Пейтон должна доказать, что редактор ошиблась.

*Комментарий Норы Чилтон, 52 лет,
старшего редактора отдела «Образ жизни»*

Тридцать лет я работаю в «Тампа Times», и в целом мне нравится быть редактором. Когда рабочий процесс идет нормально, нет ничего прекраснее волнующего чувства, объединяющего журналистов, которые держат руку на пульсе времени. Когда мы творим, ничто: ни перебои в работе компьютеров, ни норы собеседников, ни скарденность бухгалтеров — не может остановить нас. Торжество Рокки Бальбоа, воскликнувшего: «Эй, Адриан! Я сделал это!», не сравнится с тем волнением, которое испытываешь, когда до последней минуты шлифуешь статью, а затем отдаешь в печать идеальный текст.

Но иногда мне хочется рвать и метать из-за таких журналистов, как Пейтон Макгрудер, какими бы талантливыми ни были эти люди.

Во время нашего недавнего разговора она так и не взяла в толк, чего я от нее добиваюсь. Наверное, разозлилась из-за предъявленного мной ультиматума. А что еще мне оставалось делать? Несколько последних месяцев я ограничивалась

тонкими намеками, но Пейтон всегда отказывалась прислушиваться к моим советам. Сегодня я поговорила с ней начистоту, ведь кто-то должен был сделать это. Кому-то нужно говорить начистоту со всеми нами.

Давным-давно, когда я только пришла в газету, писали на бумаге и печатали на машинках, а нашим редакторам ничего не стоило бросить статью на стол и велеть все переписать. Эти несчастные страницы буквально *кровоточили* красными чернилами, и нам необходимо было немедленно вносить изменения, иногда начинать все заново — ведь в то время, как вы знаете, не существовало компьютеров. Учиться было тяжело, постоянно возникали стрессовые ситуации, и я развивала свои способности, если таковые имелись, проходя суровую школу сильных потрясений и жестких сроков. А журналисты вроде Пейтон приступили к работе в более мягкой, приятной атмосфере. Они пользуются электронными приборами, поэтому автору, которому велели внести в статью исправления, намного проще; он переделывает всего пару фраз. Мы потеряли нечто важное: возможность написать все заново, начать с чистого листа, еще раз обдумав каждое слово. Мы потеряли нечто ценное, перестав видеть свои неудачные пассажи, подчеркнутые красными чернилами.

22

Вот почему я очень серьезно отношусь к моей работе в должности редактора отдела «Образ жизни». И пока заслуженные журналисты придерживаются славных традиций, а начальство беспокоится об отчетах и прибыли, убытках и тираже, я стараюсь достучаться до мужчин и женщин, у которых есть время поискать в моем разделе нечто особенное. Вот почему я стараюсь сделать так, чтобы мои журналисты писали блестяще.

Наверное, я много жалею, но я не могу обсуждать эти вопросы с начальством и, разумеется, не имею права перекладывать ответственность на молодых журналистов. Они выбиваются из сил, чтобы свести концы с концами, воспитать детей и сдать приличный текст к назначенному сроку. Большинству из них некогда беспокоиться о том, какое впечатление производит газета в целом.

Но я беспокоюсь — это моя работа. Вот почему я сказала Пейтон Макгрудер, что она или пересмотрит свой подход, или перейдет в другой отдел. Она хороший, зрелый журналист, но в ее материалах не больше теплоты, чем в леднике. За все время работы в качестве ведущей колонки «Исцеляющая сердца» она ни разу не показала, какая женщина скрывается за этой вечной мерзлотой. Главным достоинством Эммы Дункан, упокой Господь ее душу, было доброе сердце, и читатели скучают по ней.

Конечно, не Пейтон виновата в этом — в наши дни от журналистов требуют держать при себе все личные переживания. Хороший журналист, согласно расхожему мнению, пишет статьи на любую тему и не дает никакой информации о себе. Подобные статьи получают награды и радуют сердца других журналистов.

Однако читателей они вовсе не трогают.

Это жесткий бизнес. Вот почему я сурова с Пейтон, но я знаю, что она представляет собой нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Умная, исполнительная и трудолюбивая, однажды она найдет применение своим силам. Я не раз говорила ей, что она может открыться и позволить себе расслабиться в работе, но она кивала и продолжала писать для читателей подробные инструкции. Я хотела бы хоть раз увидеть в ее колонке женщину, а не журналиста.

Кажется, сегодня моя попытка достучаться до нашей врачевательницы сердец увенчалась успехом... но как знать, восприняла ли она мои наставления? Надеюсь, она все поняла и теперь раскроет свои таланты, чтобы сделать хорошую колонку еще более привлекательной.

Видите ли, в нашем деле мы испытываем потребность в людях с такой сильной волей, какая есть у Макгрудер, и неважно, что их так трудно переубедить. Ежедневная американская газета стоит на пороге перемен, и мы обязаны отсеивать журналистов, не желающих проявлять гибкость и менять свой стиль.

Пейтон Макгрудер или отправится со мной в будущее, или перейдет в другой отдел. Выбор за ней.

Пейтон не терпелось выплеснуть свое раздражение, и она отправилась в восточную часть здания редакции газеты, где находился отдел спорта. Направляясь к кабинету редактора этого отдела, она увидела Картера Каммингса — внештатного корреспондента, который болтал с Биллом Эллиотом, следившим за успехами местной футбольной команды.

— Привет, Пейтон! — окликнул ее Картер. — Ну, как поживает наша маленькая Марта Стюарт?*

— Отлично, Картер! — Пейтон показала большим пальцем руки на дальнюю стену с застекленными дверями нескольких кабинетов. — Кинг у себя?

— Ага. — Картер сложил губы в ехидную улыбку. — Но тебе лучше поостеречься. Не думаю, что босс расположен отвечать на вопросы о том, как правильно повесить занавески.

Пейтон смерила его презрительным взглядом:

— Я тоже не расположена, Картер, так что не задирай меня.

Внештатный корреспондент толкнул Эллиота локтем и театральным шепотом пояснил:

24

— Она без ума от босса, никак не оставит его в покое. Помяни мое слово, между ними что-то есть.

Увидев, как вытянулось лицо Эллиота, Пейтон подавила раздражение и, едва удостоив их взглядом, двинулась дальше по проходу между рядами столов. Мальчишки, одно слово мальчишки, напонила она себе, а после отбывания каторги в отделе спорта она была по горло сыта общением с ними. Несмотря на то что женщины добились потрясающих успехов во всех областях журналистики, некоторые мужчины, застрявшие в подростковом возрасте (не важно, *сколько* им лет на самом деле), ожидают, что женщины при виде их будут вести себя как юные участницы группы поддержки. Когда ей приходилось брать интервью в раздевалке, обычно

* Марта Стюарт — богатейшая бизнес-леди США, создавшая медийную и торговую империю, посвященную домашнему хозяйству и вкусной пище.

несколько спортсменов разной степени наготы обязательно подходили к ней, явно пытаясь смутить ее или привести в замешательство. Но она смотрела им только в глаза и научилась входить в раздевалку, глядя поверх их голов. К сожалению, от этого снижалось качество ее работы, ведь из деталей, которые, как известно, украшают интервью, она могла лишь добавить информацию о цвете глаз спортсмена или упомянуть, что видела на потолке водянистые разводы...

Пейтон остановилась у кабинета с табличкой «*Кингстон Бернارد, старший редактор отдела спорта*». Дверь была приоткрыта, и она толкнула ее. Кингстон сидел за столом, уставившись на мерцающий монитор ноутбука, и с недовольной гримасой отчитывал кого-то по телефону.

— Что значит не хочет подписывать? — прогремел он в телефонную трубку, но его суровое лицо просияло, когда Пейтон вошла в кабинет. Показав ей на свободный стул, он забарабанил пальцами по столу. — Слушай, этот новичок еще глупее, чем кажется, если никак не возьмет в толк, что упускает реальный шанс заключить отличную сделку. Нужно, чтобы кто-то вразумил его.

Пейтон села на стул, закинув ногу на ногу, и медленно выдохнула, чтобы нормализовать подскочившее давление. Кинг может добрых десять минут разговаривать по телефону. Ему нравится говорить о спорте даже больше, чем читать или писать о нем, и у него много друзей-спортсменов. Возможно, он общался с агентом, тренером или матерью восходящей звезды, но Пейтон несколько это не волновало. Она никогда не понимала, почему разумные люди становятся невменяемыми, глядя, как другие бегают по полю с накачанным воздухом куском кожи в руках. Ей нравилась конкуренция и был понятен всплеск эмоций, вызванный борьбой умов или применением грубой силы, но она никак не могла уразуметь, почему зрелые мужчины устраивают из-за игры кровавую драку.

Она была хорошим спортивным обозревателем, когда работала у Кинга, но у них бывали разногласия. Он всегда требовал больше — больше деталей, больше биографических

данных, больше того и другого вместе, — и она все время противилась этому. В 1998 году он поручил ей написать статью о Тайгере Вудсе. Сначала она два часа тряслась в машине до Бруксвилля, чтобы взять интервью прямо на площадке для игры в гольф. Затем два часа брала интервью у этой восходящей звезды спорта и, когда вернулась, написала статью, ответив в ней на все вопросы, какие только могли прийти в голову читателю: кто, что, когда, где, как и почему. Она была уверена, что хорошо поработала, и валилась с ног от усталости, но Кинг прислал статью назад, чтобы она ее исправила.

— Это всего лишь набор фактов, — объяснил он. — Их можно найти и в Интернете. Расскажи о Вудсе то, чего я не знаю.

Они спорили битых три часа. Пейтон убеждала, что никому не удалось бы за один день близко узнать героя, привыкшего общаться с журналистами, а Кинг настаивал на том, что если бы она поразмыслила над фактами, то ей удалось бы сообщить об игроке что-нибудь новенькое.

— Ты подготовила неплохой материал, — подытожил он, — но он должен быть *великолепным*, чтобы я мог поместить его на первую полосу.

26

В конце концов они нашли компромиссное решение. Кинг согласился принять первый вариант статьи, но ее едва ли кто-то заметил, потому что она была размещена в самом низу первой полосы.

Кинг Бернард иногда здорово действовал Пейтон на нервы, и потому, услышав, что осиротевшей колонке Эммы Дункан требуется новый автор, она подпрыгнула от радости.

Кинг бесцеремонно попрощался в телефонную трубку и положил ее на место, затем широко улыбнулся:

— Так-так, Пейтон Макгрудер. Кажется, ты немного раздражена, не так ли? Ты никогда не заходишь ко мне, за исключением тех случаев, когда тебе нужна ссора.

Она с вызовом посмотрела на Кинга. Каждый раз, когда он называл ее по имени, у нее по спине пробегала дрожь. Старший редактор отдела спорта определенно был красив:

у него были выразительные черты лица, густые темные волосы и мускулистое тело человека, который регулярно занимается в спортивном зале. Вполне достаточно, подумала Пейтон, чтобы женщина засмотрелась на него, даже если ей этого не хочется.

— Я вовсе не собираюсь ссориться; поссорилась только что. Даже дважды, если считать ледяной взгляд, которым я наградила Каммингса и Эллиота.

— Ах, вот как? — Темные брови редактора поползли вверх, а карие глаза вспыхнули, как у проказника. — Жаль, что я этого не видел. А с кем ты препиралась, прежде чем мальчики попали под горячую руку? С издателем или со своим редактором?

Пейтон бросила на него взгляд, говоривший, что ей *не до шуток*.

— С Норой Чилтон. Она сделала мне выговор, потому что мой рейтинг упал. Кажется, подписчики с большим интересом читают налоговую декларацию, чем колонку «Исцеляющая сердца».

В ответ на эту шутку он улыбнулся и многозначительно откашлялся, вместо того чтобы рассмеяться. Очень мудро с его стороны.

— Обычный круговорот событий. — Он развернул кресло, чтобы приблизиться к Пейтон. — Может, сейчас у тебя черная полоса, и вскоре дела пойдут на лад.

— Нора назначила мне испытательный срок. Если через три недели я не изменю свой рейтинг в лучшую сторону, она оставит меня в редакции, но отдаст мою колонку Джанет Бойлс. — На лицо Пейтон набежала тень, когда она вспомнила, как разозлило ее это известие, а вслед за злостью проснулся собственнический инстинкт. *Моя колонка?* Все время, несмотря на то что она подписывала статьи своим именем, у нее было такое чувство, будто ей выпало играть роль призрака Эммы Дункан.

Кинг откинулся на спинку кресла, и оно заскрипело под тяжестью его тела.